

Как и предполагал прислужник, тот хилый книжник, не способный ни тащить на плечах, ни поднимать руками, всё ещё не дошёл до двери, медленно переставляя ноги и волоча коробку с едой по переулку.

Странно было то, что он шёл, бормоча себе под нос, и голос его менялся: то звонкий и приятный, то хриплый и глухой.

— Ты что, лично на гору Лишань ходил, курицу для меня ловил? С такой скоростью до нового года доберёмся? — это прозвучало звонким голосом.

— Всё равно быстрее, чем тот, кто ходить не может, — ответил хриплый.

— По-моему, ты просто жить не хочешь.

— Не стоит скромничать, я уже три года как мёртв.

— ...

Студент, мастерски разыгрывая два голоса, устроил настоящее представление на тему «что значит быть совсем больным», после чего, словно бумажный листок, скользнул вдоль обветшалой, покрытой трещинами стены дома Цзянов и просочился во двор.

Прислужник, нечаянно увидевший всё это от начала до конца, был до смерти напуган и уже собрался бежать без оглядки. Ногу занёс, а тут вспомнил, что рядом ещё застывший, будто лёд, монах стоит. В панике он вытащил кошелёк и, не говоря ни слова, сунул его в руки монаху, пробормотав что-то вроде «малая благодарность», а сам уже почти выбежал за два ли.

Монах нахмурился, опустил взгляд на кошелёк в руке.

Эту вещицу, видимо, уже сто лет не стирали, первоначальный цвет давно не разобрать, от неё несло застоялым жирным духом.

Он уже почти поднял руку, чтобы швырнуть эту нечистоту, но в последний момент, когда верёвка уже готова была сорваться с пальцев, он одним движением подцепил её обратно. С лёгкой, едва заметной гримасой брезгливости он, держа в руке потрёпанный тряпичный кошелёк, бесшумно подошёл к входу в лечебницу семьи Цзян.

Прислужник, вбежав обратно в «Девять вкусов», прислонился к стене и отдышался долго-долго, после чего, жестикулируя, принялся описывать ночному стражу, подменявшему его у прилавка, только что увиденное. Закончив, он на мгновение задумался, а затем с шипением выдохнул:

— Внезапно показалось, будто этот монах мне знаком.

— Ты целыми днями у прилавка торчишь, людей с юга на север сколько проходит — естественно, всякий покажется знакомым, — недовольно буркнул страж.

— ... — Прислужник, отдышавшись, выпрямился и случайно скользнул взглядом по стене, к которой прислонился. Взгляд его вдруг застыл.

На стене висело объявление о розыске, вывешенное полмесяца назад, но, как на беду, сразу после этого пошёл сильный снег. Объявление промокло, замёрзло, и наутро изображение уже расплылось, стало неразборчивым. Даже прислужник, вышедший на смену рано, успел лишь

мельком увидеть его, сохранив в памяти лишь смутное впечатление.

Сейчас объявление и вовсе облупилось больше чем наполовину, осталась только часть с изображением шеи, где сбоку чуть виднелась крошечная родинка — точь-в-точь такая же, как у того монаха.

Прислужника тут же прошиб озноб: ведь это же опасный преступник, за поимку которого обещано большое вознаграждение!

Лечебница семьи Цзян располагалась в переулке Ласточкино Гнездо. Деревянные части усадьбы большей частью сгорели в том пожаре три года назад, и теперь оставалась лишь половина западного флигеля, кое-как защищавшая от бокового ветра и косого дождя, но для серьёзных дел непригодная. Людям там находиться было неудобно, зато притаиться призраку — в самый раз.

Цзян Шинин, не успевший достичь совершеннолетия сын семьи Цзян, вот так и превратился в собственном доме в одинокого бродячего духа.

Просочившись сквозь щель в стене во двор, он ещё немного задержался, но рот его не умолкал:

— Что, между дверью и флигелем — Восточное море? — не выдержал звонкий голос.

Сам Цзян Шинин, проговорив это, с болезненно-бледным лицом закатил глаза к небу, помолчал, а затем хриплым голосом ответил:

— Человек-то внутри, а коробка с едой снаружи стены застряла.

Он фыркнул и пробормотал:

— Восхищаюсь.

Спустя мгновение снова сменил голос:

— Не за что.

Цзян Шинин: ...

Судя по позеленевшему в лунном свете лицу, он, пожалуй, больше не желал открывать рот.

Три шаткие стены флигеля были дочерна закопчены дымом и огнём, северное окно превратилось в дыру. В зимний месяц, в пятую стражу ночи, рассвет ещё не занимался, лишь бледный серп луны отбрасывал слабый, неяркий свет в угол комнаты. Человек, сидевший у оконного проёма, оказался наполовину освещён этим холодным, безразличным лунным светом, а другая половина его тела скрывалась во тьме.

На нём была чёрная одежда, сливавшаяся с ночью, под изящными, чётко очерченными бровями лежали две тени, чёрные зрачки отражали слабый отсвет. Даже по силуэту было видно, что у этого человека прекрасная внешность... вот только половина его лица, освещённая луной, была слишком бледной, а запястье, на котором он подпирал подбородок, выдавалось костью слишком резко, отчего веяло сильной, густой болезненностью.

На самом деле он и правда был болен — не мог встать, не мог ходить.

А причина болезни? Вот уж действительно, ни один черт не знает. Он гостил в доме Цзянов

уже четыре дня, и кроме того, что зовут его Сюэ Сянь, Цзян Шинин о нём ничего не ведал.

— Умоляю, смени позу. Сидишь, согнувшись, как мешок, — долго так просидишь, и верхняя часть тела тоже откажет, — едва войдя во флигель, Цзян Шинин сунул полную коробку с едой в руки Сюэ Сяню. Прожив жизнь, отданную учёбе, он, едва завидев эту развалившуюся позу Сюэ Сяня, чувствовал, как у него глаза начинают болеть.

— Неужели оттого, что посижу согнувшись, меня парализует? Я что, по-твоему, выгляжу? — едва Цзян Шинин отвернулся, чтобы не видеть этого, как снова раздался его же, но более звонкий голос, отвечающий самому себе.

— ... — Учёный Цзян окончательно вышел из себя, с выражением полного отчаяния на лице он повернулся к Сюэ Сяню:

— Я уже вошёл, предок, можешь говорить сам?

Сюэ Сянь приоткрыл крышку коробки, прищурился, вдыхая аромат горячей еды, и наконец лениво заговорил сам:

— Ладно, ради мяса потерплю и потрачу силы. Тебе кусочек?

Цзян Шинин сердито ответил:

— А ты сожги себя и тогда поделись?

Сюэ Сянь:

— Мечтай.

— Да ешь уже! — сказал Цзян Шинин и, больше не обращая на него внимания, подошёл к основанию стены, вдруг резко опал, превратившись в тонкий бумажный силуэт человечка, и скользнул по стене на пол — каждый день ему было отведено ограниченное время, и когда срок истекал, он должен был отдыхать.

Этот бумажный человечек явно был творением какого-то «гения» — края были неровнее, чем если бы их обгрызла собака, на лице несколькими штрихами было нарисовано нечто, отдалённо напоминающее Цзян Шинина, только на щеках красовались два кружка румян, отчего в жутковатости сквозила изрядная доля глупости.

Бумажный человечек, пролежав на полу бездыханным недолго, вдруг возмутился, как подобает благородному мужу, снова ожил и, нахмурившись, уставился на Сюэ Сяня:

— Пару дней назад я уже хотел сказать — как так получается, что ты даже палочки держать не умеешь?

Сюэ Сянь лениво приподнял веки и скользнул по нему равнодушным взглядом:

— Спасибо на добром слове, у меня и верхняя часть тела давно парализована, только недавно смог сесть, палочки ещё не очень слушаются.

С этими словами он запустил в Цзян Шинина метательным снарядом, точно угодив тому в лоб, и снова сбил бумажного человечка на пол, явно выражая своё нетерпение.

Цзян Шинин с трудом повернул голову, чтобы разглядеть снаряд: тьфу, куриная кость!

Бумажный человек на мгновение затих, но потом, словно вспомнив что-то, в предсмертной агонии снова зашевелился:

— Давай договоримся, завтра вечером можешь не мазать мне на щёки эти две розовые кляксы?

Сюэ Сянь на этот раз ответил ещё ленивее, всего одним словом:

— Нет.

Цзян Шинин: ...

Как говорится, ешь чужой хлеб — и язык становится мягче. Если бы не Сюэ Сянь, соорудивший ему это бумажное тело, он бы до сих пор скитался в каком-нибудь забыты, не ведая где.

Но даже в этом Цзян Шинин не мог до конца разобраться.

Земли в Хуэйчжоу обширны, пустующих домов немало, любой мог бы стать ему временным пристанищем, а он почему-то выбрал именно выгоревшую лечебницу семьи Цзян — не иначе, как напала на него какая-то напасть. К тому же, в первый же день Сюэ Сянь сказал, что пришёл сюда по важному делу. Но прошло четыре дня, и кроме еды, он сделал только одну вещь — мимоходом вырезал для Цзян Шинина бумажного человечка.

Неужели важное дело и было — вырезанием бумажных кукол?

Цзян Шинин, тонким листком прилипший к холодному полу, снова вспомнил что-то и ожил.

У Сюэ Сяня был скверный характер, и после двух раз он уже вышел из терпения, а на третий напрямую пресёк:

— Если ещё раз рот откроешь — вырежу. Что сказать есть — завтра утром скажешь.

Цзян Шинин поспешно произнёс:

— Последнее предложение.

Сюэ Сянь бросил на него взгляд:

— От твоего голоса у меня голова раскалывается, много послушаю — и паралич наступит. Заткнись.

<http://bllate.org/book/16289/1467726>